

Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова

Вячеслав Козляков

Уездное дворянство XVI–XVII вв. долгое время не было предметом внимания исследователей, изучавших по преимуществу Государев двор. На рядовых дворян Московского государства, насчитывавших по Смете 1631 г. около 25 тыс. человек, чаще всего переносились представления о дворянстве столичном, записанном в московских чинах и жильцах. Из всего состава служилых «городов» – уездных служило-землевладельческих корпораций дворян и детей боярских – более или менее известен оказался только чин выборных дворян, записанный в боярских списках. Этому есть своё историографическое объяснение. Изучение служилого «города» остановилось в нашей науке в конце 1920-х гг. и возобновилось лишь в 1960-е гг., и связано это с именем одного и того же исследователя – А.А. Новосельского¹. Новый поворот к теме провинциального дворянства обозначился только на рубеже 1970–1980-х гг., когда А.Л. Станиславский стал реализовывать через своих учеников идею поуездного изучения десятен и состава служилых «городов». Он прекрасно понимал ценность такого рода исследований, дополнявших его собственные труды об источниках по истории Государева двора и «вольном» казачестве в Смуту. Станиславский писал, что для дальнейшей разработки истории I (Ляпуновского) Ополчения «требуется детальное рассмотрение (с привлечением писцовых книг и десятен) состава служилого “города” и корпораций приборных людей в различных уездах»². О значении судеб «уездных служило-землевладельческих корпораций феодалов» размышлял В.Б. Кобрин: «Формально они сохранялись и в XVII в. Но прежней ли была их социальная роль? В XVI в. они во многом были реликтами удельного времени, тормозом на пути консолидации феодалов разных земель в общерусский класс. Но ведь в XVII в. эта консолидация как будто завершилась. Видимо, и дворянские корпорации изменили свои функции. Превратились ли они во вспомогательные органы самодержавного государства? Ограничивали ли они и насколько его произвол? И этот сюжет нуждается в исследовании»³.

На рубеже 1980–1990-х гг. ряд учёных обратились к истории служилого «города», преодолевая устаревшие подходы к изучению «феодального землевладения». Их внимание привлекли прежде всего различные аспекты

© 2013 г. В.Н. Козляков

¹ См.: Новосельский А.А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Учёные записки Института истории РАН ИОН. 1928. Т. 5. С. 315–335; *он же*. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // *он же*. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1994. С. 178–197.

² Цит. по: Козляков В.Н. Служилые «города» в первом ополчении 1611–1612 гг. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвящённые памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 131.

³ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 221.

военной истории поместного войска⁴. Однако, как и при исследовании писцовых книг, существует проблема достоверности сведений десятиен о «людности, конности и оружности». Без её решения подсчёты исследователей и их выводы о развитии русской армии начала XVII в. приобретают условный характер.

На рубеже XIX–XX вв. обозначился интерес к роли «провинциального дворянства» и его месту в структуре и политической культуре Московского государства⁵. Автор этих строк посвятил служилому «городу» диссертационное исследование, изучая, в том числе, и участие уездных дворян в событиях Смутного времени⁶. Новейшие работы Б.Н. Флоры также посвящены выяснению роли дворянства разных уездов в событиях Смуты. Им проанализированы представления детей боярских о «желательном общественном порядке», отразившиеся в «Приговоре» I Ополчения 30 июня 1611 г.⁷ В недавно вышедшей его книге специально акцентируется внимание «на активной роли, которую играло в событиях Смуты дворянство отдельных регионов и отдельные дворянские корпорации»⁸. Следовательно, сегодня уже не приходится, как когда-то, доказывать значимость темы служилого «города»⁹, изучение десятиен продолжается в трудах многих учёных (Д.Е. Гневашева, В.А. Кадика, А.В. Малова, П.В. Чеченкова и др.¹⁰). Однако вопросы участия уездного дворянства в событиях Смутного времени до сих пор требуют дополнительного исследования.

В данном контексте закономерно возникает заметная в анналах Смуты фигура рязанского дворянина Прокофия Петровича Ляпунова – организатора Первого земского Ополчения в 1611 г. Недавно к «феномену Ляпунова» обратился

---

⁴ Воробьёв В.М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 93–108.

⁵ Андреев И.Л. О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Международная конференция – Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1994. С. 13–20; *он же*. Дворянство и служба в XVII в. // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175; *Civelson V.A.* Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, California, 1996.

⁶ См.: Козляков В.Н. Служилый «город» в Московском государстве в 1613–1619 гг. // Сословия и государственная власть в России... Ч. 1. С. 188–199; *он же*. Служилый «город» Московского государства (От Смуты до Соборного уложения): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999.

⁷ Флора Б.Н. О приговоре Первого Ополчения // Исторические записки. М., 2005. № 8(126). С. 85–114.

⁸ Флора Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 373.

⁹ Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России XVII века. М., 2010.

¹⁰ Гневашев Д.Е. «Сыские списки» вологодских дворян и детей боярских. 1606–1613 гг. // Исторический архив. 2007. № 5. С. 184–196; Кадик В.А. Ростовские десятины 1631 и 1634 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 89–141; Малов А.В. Торопецкая верстальная десятина 114-го (1605/06) – 115-го (1606/07) гг. // Там же. С. 7–75; *он же*. Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны: (от разбора служилых «городов» 1630 г. до начала военных действий в октябре 1632 г.) // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. Вып. 8. М., 2007. С. 98–156; Чеченков П.В. Десятни как источник изучения нижегородского служилого «города» // <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=3103>. См. также: Балыкина М.И., Толстова Н.Н. Нижегородский служилый «город» по материалам десятины 1622 года // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2(1). С. 231–236.

В.Д. Назаров, посвятивший этому герою несколько выступлений на разных научных форумах (на V Зиминских чтениях «Историк во времени» в Москве в 2010 г., конференции по земским ополчениям, посвящённой П.П. Ляпунову в Рязани в 2011 г., конференции «Смутное время в России: конфликт и диалог культур» в Санкт-Петербургском университете в 2012 г.). По его словам, он уже суммировал «предварительные наблюдения и оценки», что позволяет рассмотреть выводы исследователя и приведённую им аргументацию¹¹.

Обратимся к обозначившимся в результате работы В.Д. Назарова спорным проблемам биографии Прокофия Ляпунова и, шире, всего «провинциального дворянства» в Смутное время. Кстати, сам этот термин мне кажется некоей модернизацией: как известно, слово «провинция» появляется в административном обиходе в России только в петровские времена. Поэтому предпочтительнее говорить о служилом «городе», уездных дворянах и детях боярских. Назаров пытается нарисовать схематичную картину функционирования служилого «города». Однако ряд наблюдений историка обусловлен поверхностным представлением о служилых «городах». Он считает, что «город» сложился и функционировал в неизменном виде с середины XVI в. «В нашем понимании, – пишет Владислав Дмитриевич, – речь должна идти о сложившейся в середине XVI в. совокупности уездных служилых корпораций (“городов”) с внутренней иерархией четырёх чиновно-статусных позиций: выборных дворян (наличествовали не во всех корпорациях), дворовых и городских детей боярских, служилых и неслужилых новиков»¹².

Однако достаточно сопоставить сведения о составе дворян в разных уездах до и после опричнины, чтобы увидеть, что по-настоящему совокупность «городов» складывается лишь в последней трети, а не в середине XVI в. Процесс этот шёл параллельно формированию новой структуры Государева двора, датируемому в трудах А.Л. Станиславского концом XVI в. (не случайно историк отделял его от двора «предшествующего времени, зафиксированного в Дворовой тетради и Тысячной книге») ¹³. Исследование О.А. Курбатова о реорганизации русской конницы в середине XVI в. показало, как параллельно с военной реформой менялась структура чинов дворянства. Решающее значение исследователь придаёт «Росписи» Полоцкого похода 1562/63 г., которая показывает, «что дворовые дети боярские и даже большинство служащих по княжеским спискам уже проходят службу со своим “городом” в отличие от выборных»¹⁴. О неустойчивости структуры служилого «города» свидетельствует существование ещё в 1570–1580-х гг. десятен Московского уезда, а также особенности учёта смоленского и новгородского дворянства. Даже в царствование Бориса Годунова приходилось применять запретительные меры, чтобы препятствовать проникновению в «город» выходцев из других «чинов» – например, казаков, приборных людей и холопов.

---

¹¹ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. Труды Исторического факультета СПбГУ. Т. 10. СПб., 2012. С. 212–223.

¹² Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 215.

¹³ Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 140.

¹⁴ Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 1. С. 211.

Тезис В.Д. Назарова о том, что «социальное бытие рядового служилого человека “по отечеству” вне рамок такой корпорации было немислимо»¹⁵, представляется преувеличением. Из рядовых людей, благодаря ратным заслугам или родству с московскими дворянами, записи детей в жильцы, представители родов уездных дворян попадали в Государев двор. Случаев того, что тот или иной человек – выходец из среды уездного дворянства – по разным причинам не являлся на службу к разборам со своим «городом» было тоже множество. Кто-то из городских детей боярских находился в качестве послужилца в боярских дворах (самый известный пример такого рода – Григорий Отрепьев), кто-то служил дьяком или даже недельщиком в московских приказах, а иной сын боярский – предпочитал ратной службе с «городом» проводить дни на кабаке среди «ярыжных». В десятнях таких людей если и вспоминали, то в разделе «с городом не служат давно»¹⁶.

В.Д. Назаров классифицирует служилые «города» по географическому принципу и вычленяет три-четыре варианта одной и той же «модели». В первую группу он выделяет «45–46 корпораций междуречья Оки и Волги, Верхнего и Среднего Поволжья с Заволжьем» (это уже более половины численности всех уездных дворянских сообществ), «второй вариант – пограничный район Северо-Запада России (Новгород¹⁷, Псков, Торопец)», близким к нему историк считает Смоленск; наконец, третий вариант представлен «заречными» (к югу от среднего течения Оки и в её верховьях) корпорациями – Рязань, Тула, Калуга, с которыми сближаются новые по времени образования городские корпорации Среднего Поволжья¹⁸.

Схема Назарова проигрывает обзору областей Московского государства, открывающему классическое исследование С.Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты». В отличие от Платонова, Назаров произвольно перемешал города и уезды разного подчинения, отказавшись от деления, принятого в приказной практике Московского государства: Замосковский край, Понизовые города, «от Немецкой украины», «от Литовской украины», украинные города, северские, «польские». Среднее Поволжье попало сразу и в первый и в третий «вариант». Не упоминаются северские города, хотя без учёта их позиции в Смутное время трудно обойтись. Кроме того, «южное российское порубежье», включая существовавшие там служилые «города», недавно стали предметом исследований М.Ю. Зенченко и А.В. Лаврентьева, достаточно подробно выяснивших своеобразие этого региона¹⁹. Даже значительно позднее, в описи архива Разрядного приказа 1668 г., сохранялось раздельное ведение дел подьячими: Тулы и Орла, Переславля-Рязанского, замосковских городов (Нижнего Новгорода, Мурома и других), украинных городов, Калуги, Брянска, Новгорода «всех пяти» (вместе с ним Псков, Торопец, Луки, Ржева Пустая, Невль, Тверь, Торжок, Стари-

¹⁵ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 215.

¹⁶ См., например: Козляков В.Н. Источники о формировании и составе городских служилых корпораций Верхнего Поволжья в первой половине XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 173.

¹⁷ Остаётся непонятным, почему В.Д. Назаров упоминает четыре, а не пять новгородских пяти.

¹⁸ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 216.

¹⁹ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII века. Опыт государственного строительства. М., 2008; Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005.

ца), Ярославля, Костромы и других городов²⁰. Необходимость учёта дворянства разных уездов привела к выделению особых территориальных «столов» внутри Разрядного приказа – Владимирского, Новгородского, Белгородского, Севского.

Излагая свои представления об участии уездного дворянства в политической борьбе в Смуту, В.Д. Назаров приходит к выводу, что «вплоть до последних месяцев 1610 г. не приходится говорить о единой политической позиции провинциального дворянства в целом»²¹. Остальным же политическим выступлениям дворянства – в лагере под Кромами в 1605 г., при начале движения Болотникова «и его подавлении» в 1606–1607 гг., в «кампании» кн. М.В. Скопина-Шуйского 1609–1610 гг. – не придаётся особого значения. Между тем в этом перечне отсутствуют важнейшие факты деятельности всесословных городских советов против «тушинцев» в 1608–1609 гг., в которых уездное дворянство и «вся земля» приобретали первый политический опыт решения насущных задач²². Принципиальное значение для понимания истории служилого «города» в Смуту имеет деятельность нижегородской рати во главе с воеводой Андреем Семёновичем Алябьевым, реконструированная А.В. Антоновым и Б.М. Пудаловым²³. Этот сюжет многое объясняет как в сложившемся впоследствии союзе Нижнего Новгорода и Рязани при начале создания I Ополчения, так и в истории знаменитого Нижегородского Ополчения 1611–1612 гг.

По мнению В.Д. Назарова, «Феномен П. Ляпунова – уникальный в истории Смуты, да и российской истории XVI–XVII вв. факт становления общенационального дворянского лидера (из верхней страты городской корпорации), обусловленный его происхождением, местом и временем действия, личными качествами»²⁴. Увы, «общенациональными лидерами» в Смуту не стал никто, даже царь Михаил Романов. Поэтому представления о лидерстве Ляпунова в национальном масштабе не соответствуют действительности. Не меньшим, а иногда и бóльшим авторитетом во времена «междоусобия» пользовались (хотя и не у всех сразу) глава Боярской думы кн. Фёдор Иванович Мстиславский, главные воеводы земских Ополчений кн. Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и кн. Дмитрий Михайлович Пожарский, представлявшие под Москвой один – бывших «тушинцев», а другой – последовательных сторонников царя Василия Шуйского. Прокофий Ляпунов одним из первых нашёл свой путь в социальной и политической розни Смуты. Но и ему не удалось добиться признаваемого всеми (или даже только одними дворянами) первенства в Московском государстве, что и показала как его собственная гибель под Москвой в 1611 г., так и судьба общего земского дела.

²⁰ Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 280, 304, 319, 327, 341, 350, 380, 424.

²¹ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 217.

²² См.: Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 249–254; он же. Политическое наследие Смутного времени: земские советы и ополчения // Смутное время начала XVII в. Проблематика, методы, концептуальные подходы. Ярославль, 2009. С. 22–35.

²³ См.: Антонов А.В. К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатический журнал. М., 2000. Вып. 6. С. 196–240; Пудалов Б.М. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. 2. Н. Новгород, 2011. С. 621–664. Характеристику действий нижегородской рати А.С. Алябьева см. также: Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 43–46.

²⁴ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 223.

Из всей обширной литературы, посвящённой П.П. Ляпунову, В.Д. Назаров, выделил только две статьи автора настоящей работы в сборниках научных конференций, проходивших в Рязани, представив их в качестве «отрицательного примера»²⁵. Очевидно, впрочем, что предварительный историографический разбор не был его целью, хотя исключение из анализа целой книги П.О. Горбачёва – автора диссертации о Ляпунове, в любом случае неправомерно²⁶. Видимо, Владиславу Дмитриевичу важнее было утвердить собственный взгляд на служилые «города» и «феномен Ляпунова». Главная посылка Назарова состоит в том, что до 1600 г. нет никакой возможности говорить о биографии П.П. Ляпунова, а уже к 1610 г. тот прошёл путь от «локального военного предводителя» к «лидеру весьма значимого региона, приобретавшего общероссийскую известность»²⁷. Посмотрим, так ли это, и попутно ответим на высказанные В.Д. Назаровым замечания.

Но прежде разберёмся с генеалогией рода Ляпуновых, которую исследователь выводит от совершенно другого рязанского служилого рода – Ильиных. В.Д. Назаров предлагает, вопреки тому, что сами Ляпуновы знали о своих предках, выводить их происхождение от «старого рязанского рода Ильиных», т.е. считает их потомками владычных (архиерейских) бояр. Цитировать и ссылаться на источник, как известно, разные вещи, и объяснять разницу между ними не приходится. Моя ссылка на то, что некий «Иев Ляпунов сын Ильин упомянут в Дворовой тетради 1550-х годов»²⁸ содержанию документа совершенно не противоречит, она требовалась для того, чтобы показать присутствие имени Ляпун в родах других рязанских дворян. Назаров же упрекает меня в «неточности цитирования» лишь потому, что имя ещё одного Ильина – Петрока Ляпунова, важно в его собственных генеалогических построениях. Обратившись к тексту Дворовой тетради, можно увидеть, что там записаны «Иев да Петрок Ляпуновы дети Ильина»²⁹, и именно этого Петрока Ляпунова из рода Ильиных Назаров и считает отцом Прокофия Петровича Ляпунова. Однако в своих генеалогических построениях исследователь не учёл очевидной вещи – записи братьев по старшинству. В генеалогии Ляпуновых преимущество должно быть за потомством старшего брата – Иева, а не младшего, чьё имя даже записано в уменьшительной форме. В действительности, как показывает проанализированная мной генеалогическая роспись Ляпуновых в «Бархатной книге», было наоборот. В ней тоже упоминаются два брата – Пётр Саввич и Иев Саввич Ляпуновы (именно в таком порядке). Кстати, публикатор Дворовой тетради А.А. Зимин включил в алфавитный указатель Ильиных, а отнюдь не Ляпуновых: «Ильин, Иев Ляпунов сын, дворовый сын боярский по Рязани» и «Ильин, Петрок Ляпунов сын, дворовый сын боярский по Рязани»³⁰.

²⁵ Козляков В.Н. Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках // Четвёртые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 2008. С. 368–372; *он же*. Первое ополчение в истории Смутного времени // Смутное время и земские ополчения в начале XVII в. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Рязань, 2011. С. 3–10.

²⁶ См: Горбачёв П.О. Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999; *он же*. Прокопий Ляпунов. Курск, 2002.

²⁷ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 221.

²⁸ Козляков В.Н. Род дворян Ляпуновых... С. 369.

²⁹ Там же. С. 368.

³⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 312.

Происхождение от слуг церковных архиереев – надёжный аргумент, чтобы «утянуть» вниз потомков рода при местнических столкновениях. Однако сведений о том, что такие доказательства звучали в спорах представителей рязанских боярских родов с Ляпуновыми или с другими служилыми людьми в XVII в., нет. Ильины служили по Рязани и дальше, после их записи в Дворовую тетрадь. Например, есть известие о верстании Остафия Тимофеева сына Ильина в новики по Рязани с небольшим окладом в 100 четвертей в 1596 г.³¹ Состояли ли он тоже в родстве с Ляпуновыми или продолжил, что более вероятно, род рязанских владychных бояр? Почему надо доверять не родословию Ляпуновых, выстроенному ими самими в конце XVII в., а мнению исследователя, произвольно отождествившего Ляпуновых и Ильиных-Ляпуновых, остаётся не понятным. Пока же в изучении генеалогии Ляпуновых наиболее аргументированной является точка зрения С.Б. Веселовского, этот авторитетный генеалог не сомневался в существовании в середине XVI в. Саввы Семёновича Ляпунова, от которого пошло следующее поколение – отца Прокофия Ляпунова – Петра Саввича³². Изучение генеалогии Ляпуновых, конечно, стоит продолжить, многое для понимания происхождения и значения этого рода даёт, например, история земельных владений Ляпуновых в Рязани³³.

Следующий спорный момент в изучении биографии Ляпуновых – их участие в московских событиях 1584 г., которое В.Д. Назаров подвергает сомнению. Думаю, что нет никакого преувеличения в указании на отдалённость места службы перед этим Петра Ляпунова в Чебоксарах в 1583 г. и его возможную опалу. В.Д. Назарову, безусловно, хорошо известно, что любые предположения невозможно точно аргументировать, их можно только высказать. Недопустимо, когда высказанные ранее предположения становятся аргументами в доказательствах. А мысль о связи чебоксарской службы Петра Ляпунова с выступлением Ляпуновых в восстании московского посада после смерти царя Ивана Грозного не была сформулирована автором в качестве утверждения. В трактовке тех событий надо, видимо, учесть, в первую очередь, другой факт – «родства и клановой солидарности» Ляпуновых с деятелями «особого двора» Ивана IV – Родионом Биркиным, и через него с дьяком Андреем Шерефединовым³⁴. Участие отца Прокофия Ляпунова «в выступлении горожан Москвы в апреле 1584 г.», по мнению Назарова, сомнительно. Но он никак не аргументирует причину своих сомнений в известиях источников о вмешательстве Ляпуновых в дела московского двора³⁵. Доказать, что Прокофий Ляпунов был в 1584 г. в Москве, невозможно. Впрочем, если его младший брат Захар уже в следующем году получил именно назначение в «стонишные головы» на Елец,

---

³¹ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // Известия русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 206; *Тригоров А.И.* Рязанские десятни. Списки рязанских служилых людей XVII века. Кн. 2. Рязань, 2010. С. 317.

³² *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 190.

³³ См.: *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения (О землевладении Ляпуновых в канун Смутного времени) // Шестые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 12–15 октября 2010 года. Рязань, 2012. С. 187–205.

³⁴ *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы // Смутное время и земские ополчения... С. 174.

³⁵ А.А. Зимин, например, тоже написал о том, что «происхождение упоминания о Кикиных и Ляпуновых» в «Новом летописце» ему «неясно», однако не отрицал полностью их участия в тех событиях. См.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 115.

это означало, что и Прокофий, как старший брат, был вполне в совершенно-летнем возрасте. За этим назначением Захара Ляпунова на службу вместе с другим возможным участником восстания, Фёдором Кикиным, прочитывается своеобразное наказание. Двух «буйных» рязанцев выгодно было столкнуть на службе, и они немедленно заспорили о местах. Захар Ляпунов вынужден был даже бежать с «невместной» службы. Зная о родовой спайке братьев Ляпуновых в течение всей их жизни, трудно предположить, что один брат действовал без ведома другого (по крайней мере, Прокофий Ляпунов должен был в итоге знать все детали московского выступления 1584 г., хотя бы со слов своих родственников).

Сомнения В.Д. Назарова вызвало и прямое свидетельство «Карамзинского хронографа» и «Бельского летописца» (со статьёй «о ворах рязанских») об участии Прокофия Ляпунова в событиях под Кромами в 1605 г.: «И в полках под Кромами немного время погода после крестного целованья рязанцы Прокофей Ляпунов з братьею и со советники своими и иных заречных городов втайне вору крест целовали»³⁶. «Бельский летописец» приводит даже точную дату – 9 июня 1605 г., когда «под Кромами рязанцы заворовали, Прокофей Ляпунов с товарищи, и преступя крестное целованье, и забыв дом пречистые Богородицы, и отложась от Московского государства, и бояр и воевод князя Михаил Петровича Катырева с товарищи перевязали, и вору Ростриге Гришке Отрепьеву добили челом, и крест ему, вору, целовали»³⁷. Конечно, в этом случае больше доверия вызывают современные источники, тем более, что факт участия Прокофия Ляпунова в присяге самозванцу под Кромами прекрасно объясняет политические мотивы его выступления на стороне болотниковцев после переворота, осуществлённого Василием Шуйским.

В.Д. Назаров справедливо акцентирует внимание на том, что первые известия источников о пожаловании думного дворянства Прокофию Ляпунову относятся только к концу 1607 г., и пытается развенчать распространённый «стереотип» о том, что это произошло сразу же после нанесения поражения войску Ивана Болотникова под Москвой. Меня Владислав Дмитриевич тоже упрекает в «ошибочной датировке перехода Ляпунова на сторону царя Василия Шуйского и пожаловании ему думного дворянства декабрём 1606 г.»³⁸. Между тем в моей статье о родословии Ляпуновых говорится лишь о том, что в декабре 1606 г. Прокофий Ляпунов осознал ошибочность своего присоединения к болотниковцам, потерпевшим поражение под столицей. Как и большинство учёных, занимавшихся этим сюжетом, переход Ляпунова на сторону Василия Шуйского я датирую 15 ноября 1606 г.³⁹ Приходится процитировать и то, что было сказано о получении Прокофием Ляпуновым думного дворянства: «Для рода Ляпуновых события 1606 г. имели большое значение, так как царь Василий Шуйский пожаловал Прокофия Ляпунова чином думного дворянина»⁴⁰. В.Д. Назаров убеждён, что думное дворянство Ляпунов получил в октябре 1607 г., но на чём основывается его точка зрения, не поясняет, отмечая при

³⁶ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 328.

³⁷ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 241–242.

³⁸ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 218.

³⁹ Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. С. 204.

⁴⁰ Козляков В.Н. Род дворян Ляпуновых... С. 371.

этом необычно высокий для уездного дворянина статус его воеводских назначений, последовавших в 1607 г. Замечу, что в марте того же года Прокофий Ляпунов также получил ввозную грамоту на поместье Исады, ставшее впоследствии родовым владением Ляпуновых⁴¹. Логично считать, что должности воеводы и щедрые пожалования стали следствием изменившегося отношения царя Василия Шуйского, благодарного Прокофию Ляпунову за помощь в отражении войска Болотникова. Это точнее соответствует реалиям эпохи, чем тезис Назарова о назначении Ляпунова «местным военным лидером рязанской корпорации»⁴².

Далее исследователь старается показать, как из «лидера весьма значимого региона, приобретающего общероссийскую известность», рязанский воевода становится «общенациональным дворянским лидером»⁴³. Представления о том, что Прокофий Ляпунов действовал во имя интересов своего «города» достаточно распространены среди тех специалистов, кто до сих пор преимущественно изучал знать и Государев двор. Например, Б.Н. Флоря тоже относит Ляпунова к числу «популярных руководителей местных дворянских корпораций», которые «действовали в их интересах»⁴⁴. Миф об этом недавно убедительно развеял А.О. Никитин, показавший, что никакого единого рязанского дворянства не существовало, у Ляпуновых десятилетиями длились конфликты с заметными родами своего «города»⁴⁵. Мотивы собственной карьеры Прокофия Ляпунова видятся более значимыми для него, нежели защита местных дворянских интересов. Иными словами, получив чин думного дворянина, Ляпунов вёл себя уже не как выборный дворянин из Рязани, а как член Думы, назначенный на воеводство в Переславль-Рязанский.

В.Д. Назаров видит дело так, что Ляпунов по своей инициативе «отказывается от московской придворной карьеры и остаётся в Рязани». При этом замечает, что такое решение противоречит «устоявшимся традициям российской элиты». Далее историк характеризует период с конца 1607 г. до весны 1610 г. как время обретения Ляпуновым «разностороннего опыта в военном и административном руководстве обширным регионом». О периоде владычества Прокофия Ляпунова, ведшего в это время себя на воеводстве в Рязани, как удельный князь, вспоминали и двадцать лет спустя (например, то, как он построил воеводскую съезжую избу на средства «из таможенных доходов»)⁴⁶. Достаточно привести известную коллективную челобитную жителей рязанского посада: «и запасы всякие многие на Прокофья делали... и на Прокофьеве дворе кораулы кораулим зиму и лету беспрестанна день и ночь. И дрова на Прокофьев двор ссекали, и кашу на Прокофьев двор вваривали, и на вино солод диралы, и вино курили»⁴⁷. Правда, заговорили об этом посадские люди много позже, а до того молчали, понимая, что во всех делах воевода пользовался покровительством царя Василия Шуйского. Странно поэтому

⁴¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. II. М., 1998. С. 230.

⁴² Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 219–220.

⁴³ Там же. С. 181–183.

⁴⁴ Флоря Б.Н. О приговоре... С. 108.

⁴⁵ Никитин А.О. Рязанцы Смутного времени... С. 169–182. В.Д. Назаров учёл его точку зрения, говоря о множестве конфликтов с Ляпуновым его «недрузгов» – Кобяковых, Измайловых, Ржевских, Дмитриевых, кн. Щетинных и др., однако не сослался на его наблюдения.

⁴⁶ Акты Московского государства (далее – АМГ). Т. I. СПб., 1890. № 289. С. 318.

⁴⁷ Веселовский С.Б. Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. М., 1911. № 11. С. 16–17.

читать у В.Д. Назарова: «Безусловным приоритетом в его (Ляпунова. – В.К.) деятельности (помимо естественной личной и родственной “корысти”) было максимально возможное соблюдение социальных запросов и материальных интересов рязанских детей (далее пропущено по смыслу – боярских. – В.К.) за счёт тяглых горожан и крестьян монастырских и церковных вотчин»⁴⁸. Рядом с рязанским был другой, противоположный пример в 1610 г. – зарайского воеводы стольника кн. Дмитрия Михайловича Пожарского. Сошлюсь и на слова из челобитной стольника и городского воеводы Ефрема Бахметева (арзамасского дворянина по происхождению), писавшего о своём жизненном кредо: «ни у кокава человека ничево не имывал»⁴⁹.

Многие люди того века (да и нашего) не согласились бы считать личную корысть «естественной», а иначе бы мы никогда ничего не услышали о негласном кодексе служилых людей «на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Воеводы, вопреки распространённым представлениям, и до Смуты, и во время Смуты, и после неё получали своё жалованье «из чети» за воеводские службы. Вопросы о мотивах людей Смуты вообще самое слабое место в построениях историков. Можно спорить о том, отсылали или нет послы Ляпунова, отвозивших его грамоту к кн. Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, затем в столицу (судя по известию «Нового летописца» князь Скопин-Шуйский собирался это сделать, но передумал). Гарантировать, что всё было именно так, как сказано в пристрастном к Прокофию Ляпунову источнике, нельзя. В интересах Скопина-Шуйского было самому обнажить интригу против царя Василия Шуйского, иначе за него это сделали бы другие (что скорее всего и произошло).

Спорной проблемой остаётся определение времени сбора I Ополчения, которое В.Д. Назаров относит к «концу января–апрелю (но в любом варианте не позднее последней декады мая 1610 г.» (здесь дважды подряд повторена опечатка с датой, надо – 1611 г.). Источник таких представлений понятен. Действительно, в I Ополчении существовало решение, что поместья тех служилых людей, кто до 25 или 29 мая 1611 г. не приедет в полки под Москву, будут отданы в раздачу. Владислав Дмитриевич недоумевает, почему автор данной статьи считает, что переговоры Ляпунова с Я. Сапегой в июне 1611 г. способствовали нейтралитету войск гетмана на этапе продолжающегося «сбора» ополчения⁵⁰. Однако раскрытом хорошо известный «Список полка князя Дмитрия Трубецкого 1611 г.». В разделе «Стряпчие, приехали из деревень» читаем: «князь Дмитрий княж Петров сын Горчаков, приехал в июне»; «князь Михайло княж Иванов сын Солнцов-Засекин, приехал в июне из Чебоксар»; ещё один стряпчий «Ондрей Васильевич сын Волынской приехал в июне, с тех мест живет без съезду». В полк к кн. Д.Т. Трубецкому в это время приезжали также московские дворяне, например, «Петр Григорьев сын Сабуров, приехал в июне, послан был с от[пиской] в Володимер и в полону был», городовые дворяне: Игнатей

⁴⁸ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 220. Новые сведения о том, как и за счёт чего «прирастали» земельные владения Ляпуновых в Смуту, см.: Никитин А.О. Где искать усадьбу... С. 187–205.

⁴⁹ Козляков В.Н. Получали ли жалованье городовые воеводы? // Памяти Лукичёва. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 96–112; *он же*. «За богатством, за пожитками не хожу...» (челобитная стольника Е.Ю. Бахметева 1668 г.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Н. Новгород, 2012. С. 154.

⁵⁰ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 218.

Челеев из Белой, «вышел из города в июне»⁵¹. Думается, что приведённых примеров достаточно, чтобы показать, что настоящей датой, «закрывающей» период сбора сил Ополчения стала его «конституция» – «Приговор» 30 июня 1611 г. Видимо, земское правительство I Ополчения не было исключением в череде других российских правительств, суровость распоряжений которых «умерялась их неисполнением» (согласно апокрифическому афоризму, приписываемому кн. П.А. Вяземскому).

К этому времени провалились и все переговоры с Яном Сапегой, выбравшим «высокую руку» короля Сигизмунда III, позволившего сапежинцам получить возмещение своих «заслуг» из московской казны. В.Д. Назаров использует письмо П. Ляпунова Я. Сапеге от 15(25) июня 1611 г. по публикации 2007 г. и упрекает меня в том, что я не знаю о её издании. Между тем подлинная грамота Прокофия Ляпунова, хранящаяся в Библиотеке Польской академии наук в Кракове, стала известна мне даже несколько ранее её публикации. Характеристика июньской 1611 г. грамоты Прокофия Ляпунова Яну Сапеге, а также указание на готовящуюся публикацию этого документа в «Архиве Сапеги» Н.Е. и И.О. Тюменцевыми (вместе с благодарностью им за возможность использовать материалы из польского архива) содержатся в моей книге о Марине Мнишек, изданной в 2005 г.⁵² Организуя конференцию по земским Ополчениям в Рязани, я обратился с просьбой к И.О. Тюменцеву сделать публикацию Ляпуновской грамоты в сборнике по итогам конференции, посвящённой памяти главного воеводы Первого ополчения⁵³. Понятно, что по-настоящему её академическим изданием стало включение в недавно изданный фундаментальный сборник документов из архива Сапеги⁵⁴.

В.Д. Назаров претендует на бесспорность своих выводов о «феномене» Ляпунова в 1610–1611 гг., хотя по преимуществу они основаны на неточных рассуждениях общего характера. Так, например, Владислав Дмитриевич пишет: «Земская рать под Москвой в его (Ляпунова. – В.К.) обозначении это – “дворяне и дети боярские всех городов... и вся земля, служивые люди Московского государства” (то есть, вся совокупность городских служилых людей по прибору)». Как минимум, здесь пропущены служилые люди «по отечеству» московских чинов, – неужели думный дворянин П. Ляпунов забыл о себе и других людях из Государева двора? Другой пример – заключение Назарова: «Документально зафиксированная позиция Ляпунова как единственно публичного представителя власти “совета всей земли” позволяет именно с ним связать принципиальное изменение в целях движения (решительный отказ от присяги

⁵¹ АМГ. Т. I. № 45. Подлинник документа см.: РГАДА, ф. 210 («Разрядный приказ»), «Столбцы Московского стола», д. 4, столпик 2, л. 1–17.

⁵² У И.О. Тюменцева к тому времени была возможность поработать только с фотокопиями, и он попросил меня посмотреть филигранные документы из дела, в котором, наряду с автографами Лжедмитрия II, Марины Мнишек, князя Романа Ружинского, Льва Сапеги и других современников событий Смуты, хранится в том числе и ляпуновская грамота. При работе с подлинником грамоты Ляпунова мне удалось прочесть некоторые места, оказавшиеся на сгибе и не читаемые в фотокопии, что я и сообщил И.О. Тюменцеву, зная о его намерении подготовить документ к печати в составе «Архива Сапеги». См.: *Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005. С. 289–290, 332, 335.*

⁵³ *Тюменцева Н.Е., Тюменцев И.О. Переписка сапежинцев с руководством Первого земского ополчения и П. Ляпунов в документах архива Я. Сапеги // Смутное время и земские ополчения... С. 19–27.*

⁵⁴ *Русский архив Я.П. Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград, 2012.*

и любых связей был распространён на Владислава) и конкретные действия по блокированию польско-литовского гарнизона в Москве»⁵⁵. Думаю, что отказ от присяги Владиславу стал очевиден, после того как ратники из отрядов I Ополчения увидели пепелище московского пожара 19 марта 1611 г. Не ясно, каковы основания В.Д. Назарова, считающего, что Ляпунов один предпринимал «конкретные действия» по осаде Москвы, в то время как это было целью Ивана Заруцкого, и кн. Дмитрия Трубецкого, и всего Ополчения. Ещё одно, совсем неочевидное утверждение В.Д. Назарова, который приводит «простое» объяснение «трагичной гибели» Прокофия Петровича: «Масштабу личности Ляпунова не соответствовал уровень социальной самоорганизации дворянских корпораций, идей и форм политической активности дворянства». Следуя такой логике, можно снять с Александра Госевского все подозрения в изготовлении подложного письма против Ляпунова, и оправдать казаков, убивших последнего в своём кругу. Прокофий Ляпунов, как отмечает Назаров, был «лидером», но признавалось это отнюдь не всеми. Во многом этому препятствовал порывистый и бескомпромиссный характер Ляпунова и его резкие обвинения в адрес членов Боярской думы.

В заключение отмечу, что вызывает удивление отнесение В.Д. Назаровым моих статей, основанных на выступлениях на научных конференциях, к «беллетризированному нарративу»⁵⁶. Зачем вообще академическому учёному разбирать труды «писателя»? Владислав Дмитриевич – известный специалист по эпохе русского средневековья, его мнения и оценки интересны многим, в том числе автору этих строк. Почему лишь одна-две статьи автора настоящей работы настойчиво используются им как повод для показа «отрицательного примера»? При этом Назаров игнорирует другие мои научные труды по истории служилого «города» и участия городского дворянства в событиях Смуты.

Целью В.Д. Назарова, по его словам, является исследование, основанное на «объективной возможности реальной реконструкции взглядов и действий П. Ляпунова». Защищая «академический нарратив», Назаров пытается убедить нас, что его реконструкция «реальна». Между тем есть источник, и есть историк. То, что один учёный изучает биографию П. Ляпунова, а другой – «феномен Ляпунова», сути дела не меняет. Они делают одно и то же дело, при условии, если выдерживают стандарты научного поиска и изложения своих взглядов, уважая вклад предшественников в изучение, в данном случае, проблемы служилого «города» и политических событий эпохи Смутного времени в Московском государстве.

---

⁵⁵ Назаров В.Д. Феномен П.П. Ляпунова... С. 222.

⁵⁶ Понятно, что есть писатели, и есть историки, но и сегодня существуют успешные примеры совмещения биографического жанра с научной достоверностью в трудах И.Л. Андреева, Е.В. Анисимова, Д.М. Володихина, И.В. Курукина и других авторов книг по эпохе XVI–XVIII вв. в России.